

Одноклассники смотрели на происходящее с недоумением. Каждое слово они понимали, но смысл ускользал.

— Что это значит? — Е Фаньсин, чувствуя прохладу руки, держащей его запястье, намеренно притворился непонимающим. — Меня не накажут? Это разве справедливо, староста? Разве такие правила существуют?

Цзян Юньди подвёл его к месту в центре класса, откуда открывался лучший вид, и, немного успокоившись, снова посмотрел на его лицо. Его уши постепенно покраснели, и только спустя некоторое время он спокойно произнёс:

— Это справедливо.

— В чём справедливо? — Староста группы был в шоке. — Когда появилось правило, что староста берёт наказание за других? Я ничего об этом не знал...

Но его слова оборвались под холодным взглядом Цзян Юньди.

Что ж, это называется диктатура. Староста группы, не зная, что сказать, прогнал завидующих студентов, чьи глаза уже покраснели от злости.

— Идите, идите. Результаты наказаний уже отправлены на терминалы. Получите свои отчёты в кабинете старосты. И... староста, твой отчёт я принесу тебе?

Он смотрел на Цзян Юньди с непростыми чувствами, гадая, не пожалеет ли тот о своём решении.

Цзян Юньди кивнул, не меняя своего решения, и сел рядом с Е Фаньсином, помогая ему настроить оборудование на столе.

Е Фаньсин включил оптический компьютер и с любопытством попробовал несколько функций, делая вид, что не замечает горячего взгляда рядом. Ему было смешно. Цзян Юньди в шестнадцать лет был таким доверчивым. Восемь лет спустя он бы так легко не поверил.

Во время тихого самостоятельного занятия взгляды одноклассников постоянно скользили в их сторону. Цзян Юньди был самым неприступным из всех, и многие пытались сблизиться с ним по указанию своих родителей, но за год никто не преуспел. А этот новичок, появившийся совсем недавно, уже заставил Цзян Юньди взять на себя его наказание. Никто не мог понять, кто он такой.

Цзян Юньди выключил экран, откинулся на спинку стула, загораживая взгляды, направленные на Е Фаньсина, и начал легонько постукивать пальцами по столу. Взгляды сразу же исчезли.

В Галактике Сывэй стояло лето, и солнечный свет, проникая через окно, заливал комнату

золотым сиянием, делая черноволосого юношу ещё более мягким. Он повернулся и тихо позвал:

— Юань Лянь?

Е Фаньсин чуть не пропустил этот зов, но через мгновение поднял голову и встретился с напряжённым взглядом юноши. Он улыбнулся, глаза его искрились.

— Что ты делаешь?

Цзян Юньди провёл взглядом от его бровей до чёткой линии подбородка, как будто только сейчас убедившись в его реальности. Он смотрел на него с полной сосредоточенностью и, словно в полусне, тихо произнёс:

— Кажется, я ждал тебя очень долго.

Е Фаньсин серьёзно кивнул.

— Я знаю. Поэтому я пришёл.

— Да, — Цзян Юньди опустил взгляд, открывая экран для работы с данными. — Ты приходил ко мне во сне.

Его слова звучали спокойно, как будто он повторял их много раз, но лицо его уже покраснело.

Одноклассники, подслушивавшие разговор, закашлялись, и в классе раздались звуки подавленного смеха. Те, кто получил по 50 баллов штрафа, не зря страдали. Они уже добрались до объекта обожания старосты, и если бы их не отправили в тренировочный зал, это было бы чудом.

Е Фаньсин тоже чуть не подумал, что ослышался. Он указал на себя и с улыбкой спросил:

— Ты уверен? Какого цвета у меня волосы?

— Ты можешь покрасить их, — Цзян Юньди повернулся к нему, смотря серьёзно, пока данные на экране продолжали мигать.

Его голос звучал так, словно сливался с голосом из далёкого будущего.

— Но мои глаза не чёрные, — Е Фаньсин ответил словами Цзян Юньди из будущего, скрестив руки на груди и смеясь.

Цзян Юньди сжал губы, не зная, как ответить, и раздражённо провёл пальцем по экрану, больше не глядя на него.

— Ты тот, кто всегда влиял на меня. Признаёшь ты это или нет, я узнаю тебя.

Потому что через восемь лет ты не узнаешь. Е Фаньсин оставил эту мысль при себе, не произнося вслух, но он знал, что не он был самым расстроенным. Казалось, Цзян Юньди почувствовал его настроение, и, часто поворачиваясь к нему, он выглядел крайне нетерпеливым.

Е Фаньсин, изучая экран, через некоторое время услышал, как юноша наконец сказал:

— Прости.

Его лицо было холодным, но пальцы, сжимающие край стола, выдавали его напряжение.

Снова раздались звуки падающих предметов и поспешных движений, а кашель стал ещё громче, словно в разгар лета началась эпидемия гриппа. Некоторые парни, уже сталкивавшиеся с Цзян Юньди, смотрели на происходящее с ужасом.

— За что ты извиняешься? — Е Фаньсин вертел в руках миниатюрный оптический компьютер, искренне недоумевая. — Разве ты ошибся?

Его мягкие золотистые волосы, слишком яркие для этого класса, напоминали о славе королевской семьи Крилеи, и в них было что-то дерзкое.

— Не знаю, — честно ответил Цзян Юньди. — Я всё ещё думаю, что не ошибся. Ты тот...

— Твой возлюбленный из снов? — Е Фаньсин задумчиво спросил. — Тогда поцелуй меня, и я проверю, правильные ли у меня ощущения.

Юный Цзян Юньди замер, покраснев до кончиков пальцев, и долго не мог вымолвить ни слова. Но его логический ум продолжал работать, и он спросил:

— Какие ощущения? Что, если они неправильные?

— Если неправильные, то забудем об этом. Не сошлись характерами. — Е Фаньсин вздохнул.

Цзян Юньди долго молчал.

Рядом подошёл один парень, внешне возмущённый, но на самом деле просто любопытствующий.

— Староста, мы не поощряем такое поведение. Что это за «поцелуй и забудем»? Это вообще нормальные слова? Если бы это был я, я бы...

Цзян Юньди насторожился.

Е Фаньсин сразу же сказал:

— Тогда лучше забудем.

Цзян Юньди без эмоций повернулся к парню.

— Вернись на своё место, иначе накажу за нарушение дисциплины.

Парень, совершенно сбитый с толку, подчинился двойным стандартам старосты и молча вернулся на своё место.

Затем все услышали, как обычно неприступный староста мягко спросил:

— У меня нет опыта. Могу ли я получить ещё один шанс?

Его тон был искренним, как у студента, спрашивающего о пересдаче экзамена.

А Е Фаньсин смотрел на него с недоумением.

— Ты хочешь поцеловать меня несколько раз?

*

В обед студенты разбрелись по столовой. Цзян Юньди повёл Е Фаньсина осмотреть общежитие. Как ученик первого класса, он имел привилегии: двухместный номер с балконом и отдельной ванной, с видом на озеро на территории кампуса.

Е Фаньсин прошёл по комнате и сел на диван.

— Двухместный номер?

Цзян Юньди старался держаться спокойно, но сжатые пальцы выдавали его.

— Большинство студентов живут в четырёхместных номерах. Это помогает развить командный дух, необходимый на поле боя. Двухместный номер — это уже хорошо.

— Кто мой сосед? — Е Фаньсин понимающе кивнул и задал вопрос.

Цзян Юньди не смог продолжать врать и тихо ответил:

— Я.

Золотоволосый юноша закрыл глаза, а когда открыл их, его изумрудные глаза, словно наполненные солнечным светом, горели. Он откинулся на диване, слегка запрокинув голову, и полурасстёгнутая форма свободно лежала на его плечах.

— Проверим ощущения.

Военная форма сине-белого цвета, заимствованная у армии Галактики Сывэй, подчёркивала его стройную фигуру. Цзян Юньди присел перед ним, наклонился, и их губы встретились. За окном свет и тень переплетались, а тени деревьев, качаясь на ветру, поглощали солнечные лучи, словно снег, тающий под жарким солнцем.

— Ощущения правильные? — Цзян Юньди слегка отстранился, его лицо выражало тревогу после поцелуя.

В юности он, хоть и страдал от снов, ещё не обладал той глубиной, которая появится позже. В этот момент вся его надежда читалась на лице.

Е Фаньсин, полужакрыв глаза, немного подумал и вдруг с улыбкой спросил:

— На экваторе Земли идёт снег? Если да, то всё правильно.

Столкнувшись с таким странным вопросом, Цзян Юньди на мгновение задумался, но тут же ответил:

— Гора Килиманджаро, расположенная в 300 километрах от экватора Земли, покрыта снегом круглый год.

<http://bllate.org/book/15566/1385405>